

18+

Кренов Валерий

Обход

*Между памятью
и любовью*

Кренов Валерий

Обход. Между

памятью и любовью

<https://litres.ru/74149457>

ISBN 9785007002257

Аннотация

Это история о приезде в Обнинск, где случайная, на первый взгляд, остановка оборачивается путешествием в прошлое семьи, в тайну старой больницы и в чувство, которое невозможно забыть. Герою предстоит пройти через молчание, страх и память, чтобы понять, что любовь и правда иногда возвращаются тогда, когда их меньше всего ждёшь. Все персонажи и события вымышлены, а любые совпадения с реальностью случайны.

Содержание

Глава 1. Электричка	10
Глава 2. Обход	13
Глава 3. Третье здание	16
Глава 4. Лампа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Обход

Между памятью и любовью

Кренов Валерий

© Кренов Валерий, 2026

ISBN 978-5-0070-0225-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Все персонажи, события, места и диалоги в этой книге являются плодом авторского вымысла. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, зданиями или обстоятельствами случайны и непреднамеренны.

Книга создана в художественных целях и не является инструкцией к действиям; автор не призывает повторять описанные здесь поступки.

Оглавление

Электричка в Обнинск.

Заделанный проход.

Обход станции.

Стройка в городе.

Сады у больницы.

Три здания.

Третья тень.

Ночь в Обнинске

Промо

Электричка из Москвы дребезжала, как старая кляча, подкатывая к Обнинску. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая вагоны в кроваво-оранжевый. Артём сидел у окна, сжимая в руке потрёпанный рюкзак. Внутри — пачка фотографий, ключ от неизвестного ящика и записка: «Найди третью тень в больнице. Она ждёт».

Он не знал, зачем едет сюда. Последние слова бабушки перед смертью: «Обнинск... забор... больница с садами». Артём — фрилансер-детектив, берущийся за странные дела, — решил, что это его шанс разгадать семейную тайну. Электричка остановилась с шипением. Станция Обнинск. Родина атомщиков, тихий городок под Калугой, где наука сплетается с мифами.

Артём вышел. Воздух пах соснами и свежим бетоном. Вокруг — пустые перроны, редкие прохожие. Он огляделся: забор станции высокий, колючий, с табличками «Проход запрещён». Один способ — перелезть через дыру в углу, но она заделана свежим куском сетки. Кто-то постарался. Артём усмехнулся. «Ладно, по-взрослому».

Обход забора

Он пошёл вдоль забора, шагая по щебню. Метров двести — ничего. Только ветер шевелит траву. Наконец, поворот:

официальный вход. Билетёрша в будке зевнула: «Куда?»
— В город. Прогуляться.

Она махнула рукой, не глядя. Артём прошёл. За воротами — привокзальная площадь, маршрутки, ларьки с шаурмой. Но он не спешил. Обходил станцию по кругу, как велела интуиция. Забор тянулся к лесополосе, а за ним мелькали огни дач. Вдруг — шорох. Тень мелькнула у заделанной дыры. Человек? Собака? Артём замер. Ничего. «Паранойя», — подумал он.

Выйдя на улицу, он двинулся к центру. Обнинск встретил его стройками: краны ревели, экскаваторы рыли котлованы. «Город растёт, как на дрожжах», — пробормотал Артём, огибая леса. Стройка больницы — огромная, с табличками «Вход воспрещён». Он пошёл в обход, петляя по аллеям. Впереди — сады. Не просто клумбы, а целые сады: яблони в цвету, вишни, даже забытые огороды с морковью. А посреди — три здания больницы. Старые, советские, с облупившейся штукатуркой. Первое — административное, пустое. Второе — хирургия, окна темные. Третье... третье манило светом в подвале.

Сердце заколотилось. Записка бабушки: «Третья тень».
Сады и тайны

Артём нырнул в сады. Сады больницы — лабиринт: тропинки вились между деревьями, скамейки прятались в тени. Воздух густой, сладкий от цветов. Он вспомнил бабушкины рассказы: в 80-х здесь лечили «особых» — учёных с радиа-

цией, видевших призраков. Мистика? Или правда?

Обходя стройку, он споткнулся о корень. Упал — и увидел: под яблоней пачка сигарет, старая, с гравировкой «А. 1987». Его инициалы? Артём бабушкин внук, но фамилия — от деда, пропавшего здесь же. В сигаретах — фото: молодая женщина у третьего здания. Красивая, с тёмными глазами. «Катя», — гласил автограф.

Вечер сгущался. Артём подошёл ближе. Стройка шумела за спиной, но сады заглушали всё. У третьего здания — вход в подвал, приоткрытый. Изнутри донёсся шёпот. Женский голос: «Артём... наконец».

Он вошёл. Подвал — лабиринт коридоров, лампочки мигают. В центре комнаты — зеркало в раме. В нём отражение: не его, а той Кати с фото. Она улыбнулась: «Твоя бабушка была моей подругой. Третья тень — это я. Забор заделали, чтобы никто не нашёл. Но ты пришёл».

Артём замер. Катя рассказала: в 80-х здесь эксперименты с психикой. Её «тень» — проекция, застрявшая в зеркале. Дед Артёма любил её, но погиб на стройке. Ключ из рюкзака открывал ящик в стене — пачку писем. Романтика, предательство, атомные тайны.

Ночь в Обнинске

Они говорили часами. Катя — призрак? Или галлюцинация? Не важно. Она дала ответ: семейное наследство — не деньги, а дар видеть тени. «Уходи через сады. Стройка завтра закроет всё».

Артём вышел. Ночь опустилась на Обнинск. Электрички ушли, город спал. Он сел на скамейку в садах, перечитывая письма. Любовь деда к Кате — как в мелодраме: страсть, тайны, трагедия. А забор? Заказал сам дед, чтобы скрыть дыру — проход в «иной мир».

Утром Артём уехал. Но Обнинск изменил его. Теперь он пишет книгу — о приезде на электричке, заделанном заборе, обходах стройки и трёх зданиях больницы с садами. Третья тень шепчет: «Вернись».

Тёмно-синий фон с силуэтом электрички на станции Обнинск. В центре — высокий забор с заделанной дырой, за ним три призрачных здания больницы в тумане садов. Сверху надпись белым шрифтом: «Обнинск: Третья тень больницы». Снизу — силуэт героя с рюкзаком, обходящего стройку. Атмосфера таинственная, с лёгким свечением от окон третьего здания.

Введение

Электричка пришла в Обнинск под серое, низкое небо, будто город заранее знал, что сегодня в него войдёт человек, которому здесь не рады. В окнах вагонов дрожал мутный свет, на перроне тянуло сыростью, железом и чем-то ещё — холодным, забытым, почти больничным. Герой сошёл на платформу медленно, будто не был уверен, что это его станция, но именно в этот момент понял: обратной дороги для него уже нет.

У края вокзала он сразу увидел забор. Когда-то здесь, воз-

можно, был проход, короткий и удобный путь, но теперь всё оказалось заделано грубо и спешно, как след старой ошибки, которую постарались скрыть, а не исправить. Пришлось идти в обход. И чем дальше он шёл, тем сильнее становилось странное чувство, будто город не просто ведёт его вперёд, а нарочно кружит по кругу, заставляя подойти к тому месту, к которому нельзя было подойти напрямую.

Обнинск встречал его стройкой, пустыми тропинками и тяжёлой тишиной, в которой слышалось больше, чем следовало бы. Потом показались сады у больницы, и среди них — три здания, стоявшие так, словно одно из них было лишним, или, наоборот, именно оно и было главным. Герой замедлил шаг. Ему показалось, что именно сюда он и ехал с самой первой минуты, даже ещё не зная об этом.

Глава 1. Электричка

Он ехал сюда без особой уверенности, но с тем неприятным ощущением, которое бывает только перед чем-то неизбежным. В кармане лежала сложенная вчетверо бумага с адресом, на котором чужим, неровным почерком было написано только одно слово: Обнинск. Ни фамилии, ни объяснений, ни намёка на то, зачем ему нужно было попасть именно сюда, к этой станции, к этому городу, к этим больничным корпусам среди деревьев и строительного шума.

За окном тянулись мокрые поля, редкие дома, полосы леса. Потом электричка замедлилась, закрипела, и в этот скрип вплелось что-то тревожное, почти живое, как будто сам поезд не хотел останавливаться. Герой поднял взгляд и увидел на стекле своё отражение — бледное лицо, усталые глаза, слишком спокойные для человека, который едет в неизвестность. Он отвёл взгляд, но ощущение чужого присутствия не исчезло.

Когда двери открылись, воздух снаружи ударил в лицо сыростью и холодом. Станция встретила его пустотой. Людей было немного, и каждый словно торопился не задерживаться здесь ни секунды дольше, чем нужно. Герой сошёл на платформу и сразу понял, что место это не любит лишних взглядов. Всё вокруг было серым, приглушённым, будто цвет здесь давно выцвел и не собирался возвращаться.

Он направился к выходу, но почти сразу увидел то, что заставило его остановиться. Часть прохода вдоль забора была наглухо заделана свежими досками и сеткой. Ни щели, ни лазейки, ни старого привычного пути. Кто-то очень постарался закрыть этот обходной кусок, будто знал, что однажды сюда придут именно по нему. Герой задержал взгляд на заделанном месте дольше, чем следовало. Потом медленно повернул в сторону, туда, где дорога делала крюк и вела к официальному выходу.

Идти пришлось долго. Станция будто вытягивалась в сторону, уводила от нужного направления, заставляла кружить возле забора и снова возвращаться к тому же месту. Слева тянулась стена, справа — голые кусты и мокрая земля. Время от времени за спиной раздавался металлический стук, но стоило обернуться, как там уже никого не было. Герой шёл молча, чувствуя, как внутри постепенно нарастает тяжесть, похожая на предчувствие.

Наконец он вышел в город. Но облегчения не случилось.

Обнинск встретил его не улицами, а стройкой. Огромные серые конструкции перекрывали путь, машины рычали за ограждениями, где-то падал бетон, скрипел металл, и весь этот шум странно не разрушал тишину, а только усиливал её. Пришлось идти в обход, вдоль грязного тротуара, мимо ларьков, остановок и редких прохожих, которые смотрели сквозь него, будто он уже был частью этого места.

Он свернул к больничному кварталу не сразу. Сначала

шёл мимо высоких деревьев, потом вдоль забора стройки, потом по узкой дорожке, где асфальт был растрескавшимся и влажным после недавнего дождя. И только потом увидел сады.

Они казались слишком тихими для города. Деревья стояли неподвижно, как в ожидании. Между ними тянулись дорожки, аккуратные клумбы, скамейки, а за садом поднимались три здания больницы. Первое выглядело старым и почти пустым, второе — мрачным и закрытым, третье — стояло чуть в стороне, и именно на него хотелось смотреть дольше остальных. Не потому, что оно было красивее. Наоборот. В нём было что-то неправильное, как в двери, которую давно никто не открывал, но которая почему-то остаётся открытой.

Герой остановился.

Свет в одном из окон третьего здания был тусклым, неровным, как от старой лампы. На мгновение ему показалось, что за стеклом кто-то стоит. Он моргнул. Окно осталось пустым. Но ощущение взгляда не исчезло. Оно только стало сильнее, медленно и упрямо опускаясь ему на плечи.

Он понял, что пришёл именно туда, куда его вели.

И что город уже заметил его.

Глава 2. Обход

Он не сразу понял, куда идти дальше. Дорожка уводила в сторону от больничных корпусов, потом снова возвращалась, словно нарочно заставляла кружить вокруг одного и того же места. Герой шёл медленно, всматриваясь в деревья, в пустые скамейки, в мокрую траву у обочины. Всё вокруг казалось слишком тихим, и эта тишина уже не успокаивала, а настораживала.

Сады у больницы были странными. Не запущенными, нет — именно странными. В них чувствовалась чужая забота, как будто кто-то когда-то очень тщательно устроил это место, а потом бросил его, оставив только внешнюю форму. Деревья росли неровными рядами, кусты скрывали тропинки, а за ними вдруг открывались пустые участки земли, на которых ничего не было, кроме следов старой стройки или выкорчеванных корней. Герой несколько раз останавливался, пытаясь понять, не сбился ли он с дороги, но каждый раз выяснялось одно и то же: дорога здесь была не прямой, а круговой.

Он вспомнил про заделанный проход у станции. Странно, но именно эта деталь не давала ему покоя. Кто и зачем так старательно закрыл старый путь? Почему в городе, где всё казалось случайным, кто-то потратил силы на то, чтобы перекрыть именно этот участок? Ответа не было, и от этого

становилось только тревожнее.

Он вышел к стройке, которая растянулась почти до самого больничного квартала. Ограждения, металлические листы, натянутые сетки, жёлтые ленты — всё это выглядело буднично, но в сочетании с тишиной садов становилось почти зловещим. Герой остановился у забора и посмотрел в сторону корпуса. Отсюда третий дом больницы был виден лучше всего. В отличие от двух других, он словно не стоял на земле, а чуть отрывался от неё, прячась в деревьях и сумеречном воздухе.

У входа никого не было. И всё же он чувствовал, что там кто-то есть.

Он двинулся дальше, обходя стройку по узкой тропе. Под ногами хлюпала грязь, где-то справа глухо стучал металл, но эти звуки быстро гасли, будто их глотали деревья. В какой-то момент ему показалось, что он слышит шаги за спиной. Он резко обернулся. Пусто. Только кусты, низкая трава и покосившаяся скамейка у дорожки. Герой постоял несколько секунд, прислушиваясь, затем пошёл дальше, стараясь не ускорять шаг.

Вдоль тропы росли старые яблони. Некоторые из них были наклонены, будто давно устали держаться, и всё же продолжали цвести. Белые лепестки, намокшие от влаги, прилипали к траве и к его ботинкам. Здесь было неожиданно красиво, но эта красота казалась вымершей, как в доме, где давно никто не живёт, но окна всё ещё моют, чтобы не было

заметно запустения.

Он почти вышел к корпусам, когда заметил на земле что-то светлое. Наклонился и поднял обрывок бумаги. Бумага была старая, пожелтевшая по краям, и на ней едва читались несколько строк. Почерк был неровный, дрожащий, но одно слово он разобрал сразу: третье.

Герой медленно выпрямился.

В этот момент где-то совсем рядом хлопнула дверь. Он обернулся — и увидел, как в окне третьего здания мелькнула тень. Не лицо, не силуэт в полный рост, а именно тень — короткая, будто от человека, который стоял слишком близко к стеклу. Потом окно снова стало тёмным.

Герой почувствовал, как по спине пробежал холод.

Теперь сомнений не осталось: он был здесь не случайно. Его ждали. Или, по крайней мере, ждали того, что он принесёт с собой.

Он посмотрел на зажатый в руке клочок бумаги, потом на третий корпус и понял, что обратный путь уже не имеет значения.

Глава 3. Третье здание

К третьему зданию он подошёл ближе, чем собирался. Оно встретило его не шумом и не светом, а какой-то подавленной неподвижностью, от которой хотелось говорить вполголоса. Стены корпуса были старые, местами потемневшие от времени, окна — высокие, узкие, некоторые заколочены изнутри, некоторые занавешены. Взгляд цеплялся за детали, но ни одна из них не давала покоя.

У входа стояла пустая урна, рядом — лавка с облупившейся краской. Всё выглядело так, будто время здесь остановилось много лет назад и только изредка, по ошибке, кто-то всё же проходил мимо, нарушая этот покой. Герой задержался у двери, положил ладонь на холодную ручку и на мгновение замер. Изнутри не доносилось ни звука. Только собственное дыхание казалось слишком громким.

Дверь поддалась неожиданно легко.

Внутри пахло пылью, лекарствами и сыростью. Коридор был длинным, полутёмным, с тусклыми лампами под потолком. Свет в них дрожал, как будто электричество здесь было ненадёжным гостем. Герой прошёл несколько шагов и почувствовал, что помещение не пусто. Это было не ощущение страха, а что-то тоньше — чувство присутствия, когда ты ещё никого не видишь, но уже знаешь, что за тобой наблюдают.

На стенах висели старые указатели, часть букв стёрлась, часть осыпалась. Он шёл по коридору медленно, стараясь не производить лишнего шума. Где-то далеко скрипнула дверь. Потом ещё одна. Звук прокатился по зданию и затих. Герой остановился и прислушался, но снова ничего не услышал, кроме слабого гула где-то в глубине корпуса.

Он свернул в боковой проход и оказался перед лестницей, ведущей вниз. В подвал. Именно оттуда тянуло тем самым холодом, который он почувствовал ещё на перроне. Он не знал, почему именно этот спуск вызывает у него такое неприятное чувство, но инстинкт подсказывал: вниз идти опаснее всего.

И всё же он пошёл.

Лестница была узкой, бетонной, с облупившимися ступенями. На стене тянулись старые потёки, местами проступала плесень. Чем ниже он спускался, тем сильнее становилась тишина. Внизу не было даже привычного эха. Казалось, звук просто исчезал, не находя себе места.

Подвал оказался длинным коридором с несколькими дверями по обе стороны. Некоторые были закрыты, другие открыты. На полу валялись обрывки бумаги, ржавые инструменты, куски старой мебели. Герой прошёл вперёд и остановился у двери, на которой едва различалась старая табличка без названия. Он толкнул её.

Комната была маленькой. В центре стоял стол, на столе — старая лампа и коробка. Всё это выглядело так, словно кто-

то только что вышел и должен был вернуться с минуты на минуту. Но комната была пуста. В тишине стоял только едва слышный треск лампы.

Герой подошёл к столу и открыл коробку.

Внутри лежали фотографии. Несколько штук, потемневших от времени. На них — люди у этого же здания, у тех же деревьев, в том же саду. На одной фотографии он заметил женщину в светлом пальто, стоящую у окна третьего корпуса. На другой — мужчину, очень похожего на него самого, только старше, с таким же взглядом, словно он тоже приехал сюда не по своей воле. Герой замер.

На дне коробки лежал ещё один лист бумаги. Он развернул его и прочёл всего несколько слов:

Если ты дошёл до третьего здания, значит, тебе уже не объяснить, что происходит.

Он перечитал записку дважды, потом медленно опустил руку. Где-то наверху снова хлопнула дверь.

И в тот же миг лампа погасла.

Глава 4. Лампа

Когда лампа погасла, тьма в комнате не стала полной — она просто загустела, сделалась плотнее, как холодная вода. Герой не двинулся с места. Он стоял, вслушиваясь в собственное дыхание, и пытался понять, было ли только что услышанное шагами наверху или его собственным сердцем, которое вдруг стало слишком громким.

Потом что-то щёлкнуло. Слабый свет снова вспыхнул, но теперь он горел неровно, с перебоями, и комната будто дышала вместе с ним. На столе по-прежнему лежала коробка, фотографии и записка. Только теперь ему показалось, что на одной из фотографий женщина у окна смотрит не в прошлое, а прямо на него.

Он взял снимок. Лицо на нём было смутно знакомым. Не потому, что он видел эту женщину раньше, а потому, что в её взгляде было что-то пугающе близкое — как у человека, которого однажды уже потерял, но так и не сумел забыть. На обороте фотографии стояло имя, выведенное тонкими буквами: Катя.

Герой медленно опустился на край стола. Имя ничего ему не объясняло и в то же время объясняло слишком многое. В памяти мелькнул обрывок чужих слов, сказанных когда-то давно, в детстве, на кухне, под гул старого холодильника: «В Обнинске есть здание, куда лучше не возвращаться». Тогда

он не придал этому значения. Теперь смысл этих слов возвращался к нему с неприятной ясностью.

В коридоре послышался шорох. Потом ещё один, ближе.

Он поднялся, спрятал фотографию в карман и осторожно подошёл к двери. Прислушался. Снаружи было тихо, но эта тишина уже не успокаивала. Она будто ожидала от него чего-то, как ожидают ответа на давно заданный вопрос.

— Выходи, — произнёс женский голос.

Он замер.

Голос был негромкий, почти спокойный, но от него по коже прошёл холод. Не было ни страха, ни истерики — только уверенность человека, который знает: его всё равно услышат.

Герой осторожно приоткрыл дверь. В коридоре стояла женщина в тёмном пальто. Лицо её было бледным, волосы убраны назад, а глаза — такие же тёмные и внимательные, как на фотографии. Он сразу понял: это она. Катя. Или кто-то, кто слишком на неё похож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.